

Уроки Камасутры

*Лилия
Подгайская*

Вадим Алексеевич, уверенный в себе и вполне состоявшийся мужчина, едет на отдых в родную глубинку, где лес, озеро и белки во дворе. И там совершенно неожиданно встречает удивительную женщину по имени Агата. Женщину интересную, но колючую как ёж, и не желающую иметь ничего общего с представителями мужского пола. Ему бы забыть её и жить дальше, как жил. Ан нет! Вредная Агата засела в сердце словно заноза, и не вытащишь её оттуда, как ни старайся. Но благосклонная Фортуна поворачивается лицом к измаявшемуся мужчине. Сбежавшая Агата вынуждена, в силу обстоятельств, обратиться за помощью именно к нему, Вадиму Алексеевичу. И шаг за шагом, очень нелегко и непросто, он завоёвывает всё же эту упрямицу. А причём здесь Камасутра? Эта мудрая книга становится действенным инструментом в руках мужчины, стремящегося сделать по-настоящему счастливой свою женщину. И в результате всех усилий горячая любовь, счастливая семейная жизнь и такие желанные дети. Хэппи энд, одним словом.

Лилия Подгайская

УРОКИ КАМАСУТРЫ

1

Вадим Алексеевич задумчиво смотрел в большой пузатый бокал, который согревал в ладонях. На дне бокала плескалась янтарная жидкость, издававшая знакомый приятный аромат. Напиваться сегодня не хотелось совершенно. Тянуло просто подумать, и надо признать, было над чем. По этой причине он не ушёл домой, а остался в своём уютном кабинете, поотключав все телефоны и сделав вид, что страшно занят каким-то неотложным делом. Секретарша, прежде чем уйти, принесла ему чай. Ходила чуть ли не на цыпочках, чтобы, упаси Боже, не нарушить ход мыслей шефа, и кого-то там увещевала в приёмной, что попасть сегодня в кабинет нет ни малейшей возможности — руководитель холдинга очень занят.

Он усмехнулся, довольный. Всё же он большая умница, похвалил сам себя, что не последовал примеру многих приятелей и не взял на работу какую-нибудь финтифлюшку, радующую глаз своими формами и юбочками, которых почти не видно, но не умеющую создать обстановку для продуктивной деятельности и полёта творческой

мысли. То ли дело Евгения Илларионовна. Классическая секретарша. В меру строга к посетителям, в меру любезна с шефом, всегда аккуратная, подтянутая, а главное, заботливая. Как она чувствует его желания там, за стеной? Это оставалось для него загадкой, но радовало результатами.

Сейчас дверь приёмной закрылась за Евгенией Илларионовной, и Вадим Алексеевич знал, что его больше никто не побеспокоит. Он позволил себе вальяжно развалиться в кресле, задрав на стол ноги в безупречных туфлях испанской кожи. Недопустимая поза, конечно, но думается так почему-то лучше. «Так что же это на вас накатило, любезный?» — спросил он себя и углубился в собственные мысли в поисках ответа. На поверхности, далеко и искать не надо было, лежал вопрос с Алисой. Эта милая девушка, старательно изображающая любящую подругу, желательно в перспективе жену, начала уже всерьёз утомлять его. Разница в возрасте между ними была лет пятнадцать, если не больше. Да, с прискорбием приходится признавать, что сорокалетие подступает неотвратимо. Он слышал, мужчины в этом возрасте впадают в какой-то там кризис и начинают шалить уж слишком резво. Ему шалить не хотелось совершенно. Это осталось позади, когда он был ещё диким необъезженным мустангом. Сейчас он

вполне воспитанный и управляемый конь, гордо несущий породистую голову. Но мчатся галопом по зелёной травке просто потому, что проглянуло солнышко, ему уже не хочется. Почему-то последнее время его, наоборот, тянет к тишине и отчаянно хочется ласковых понимающих глаз и тёплой руки на рукаве его пиджака.

Но разве такое возможно рядом с Алисой? Она, разрази её гром, прикладывает все усилия к тому, чтобы вновь превратить его в игривого, совершенно дикого и необъезженного скакуна. Она, видите ли, любит бурный секс. А что любит он, её, кажется, не занимает вовсе. Спешит выжать из него всё, что можно, пока он не свалился с инфарктом? Говорят, людей его уровня на подступах к сорокалетию эта напасть косит направо и налево. Особенно неженатых. Ну, и что теперь прикажете делать, если жены нет? В петлю лезть? Он сердито нахмурился. Ну, была жена, да сбежала. Не выдержала его слишком напряжённого темпа в работе и карьере. Потом было некогда. А теперь, где же её взять? Да и поздно, наверное.

Стремясь быть честным с любовницей, он широко открыл ей свой кошелёк. Она удовлетворённо мурлыкала, но ограничиваться этим, по-видимому, не собиралась. Ей нужен был от него весь комплект удовольствий, какие только может получить женщина от мужчины. Подумать

только, что она изобрела! Вадим Алексеевич фыркнул сердито, но и с ноткой юмора — почему не посмеяться над собой, если заслужил? Пару недель назад эта красотка принесла с собой диск, который предложила посмотреть перед сном. Ба! Камасутра! Давно не виделись! Только раньше она была в печатном виде, с картинками. Теперь в натуральном, с живыми людьми. Да, прогресс наступает на человечество неотвратимо. Вадим Алексеевич чуть не рассмеялся вслух, когда эта девочка стала старательно повторять действия, показанные на экране, — ну прямо прилежная ученица в зале фитнеса, желающая стать неотразимой красавицей. Поначалу он вдохновился, правда, — ожили воспоминания молодости, скорее всего. Девчушка была безгранично горда и чрезвычайно довольна собой. Она, видимо, считала, что этот замшелый пень и знать не знает ничего эдакого, и она открывает перед ним широкий и многогранный мир секса. «А любовь найти ты не пыталась, девочка? — спросил он её мысленно, прикрыв глаза. — Тебе же лучше будет. А мне, поверь, это глубоко по фигу, как вы выражаетесь». Да, пора сворачивать отношения с этой нежной ланью. Вадим Алексеевич не просто предчувствовал, он знал, что ещё неделя-другая, и она притащит ему виагру. Только этого не хватало! Нет, с этим нужно кончать, и поскорее.

Приняв одно решение, мужчина слегка приободрился. Но это не снимало непонятного беспокойства, накрывшего его в последнее время. Видимых причин для этого не было. На работе всё как всегда, никаких катаклизмов. Конкуренты вежливо, но твёрдо придавлены, партнёры под неусыпным контролем. А как же! Правильно говорят умные люди, что дружба дружбой, а табачок, в нашем случае деньги, врозь. Только зазеваешься, и — ап! — откусили кусочек, да ещё желательного большой и вкусный. Нет уж! Тут он идёт давно проверенным путём и хорошо знает дорогу. Беспокоит что-то другое. Что?

Вадим Алексеевич не считал себя специалистом в области психоанализа, но прислушаться-то к себе мог. Он прислушался. Закрыв глаза, расслабился. И увидел над головой качающиеся ветви берёзы, голубое-голубое летнее небо, и ручеёк звенит где-то рядом. «Так вот оно что, — прояснилось в голове, — отдохнуть тебе, братец, захотелось. И не где-нибудь в заморских краях, а в наших родных просторах. Это мы запросто». Вадим Алексеевич обрадовался такому простому решению и взялся рассматривать его с разных сторон. При этом ощутил, что непонятное томление покинуло его, и появилась желанная активная деятельность. Это хорошо, замечательно просто. Он напряг свои мыслительные способности,

стараясь вспомнить, что такое недавно говорил ему приятель Леонид Николаевич, директор крупного предприятия, шагающего в ногу со временем. Он, оказывается, любил именно такой отдых — один и на природе. Чтобы никого рядом, тишина и рыбалка. После мучительных раздумий не выдержал и, включив свой отдыхающий мобильник, позвонил приятелю. На неприятые вызовы постарался не обращать внимания — и так хорошо знал, что это Алиса обрывает телефон, и, скорее всего, ждёт его под дверь. Ключей от квартиры ему хватило ума ей не давать. Что ж, он хорошо отсидится здесь, в кабинете, коньяка хватит, и, кажется, сердобольная Евгения Илларионовна оставила там, рядом с чаем, пару бутербродов. Живём! А Алиса пусть дожидается под закрытой дверь. Не станет же она сидеть до утра. Завтра, конечно, она устроит сцену, но это он как-нибудь переживёт. Сегодня же ни видеть её, ни исполнять сексуальные танцы под аккомпанемент Камасутры он просто не в состоянии.

Леонид Николаевич понял его с первого слова и разлился соловьём.

— Какое место! Какое сказочное место! — повторял он с придыханием. — Ты представить себе не можешь, Вадим Алексеевич. На много километров вокруг — никого. Лес, тишина, ручей возле дома, чуть дальше озеро. Хочешь купайся,

хочешь рыбу лови... Птички поют, белки бегают прямо во дворе. Не поверишь. Это просто рай на земле!

Вадим Алексеевич понял, что совсем лишил приятеля покоя своим вопросом. Тот не мог прийти в себя от нахлынувших приятных воспоминаний.

— Ты на землю-то вернись, Леонид Николаевич, — попросил он, — и поведай мне поскорей, где такое чудо чудное отыскать можно. Я прямо весь дрожу от нетерпения.

Приятель весело рассмеялся и всё ему рассказал. Оказалось, что это в лесничестве, в заповеднике имеет он такое хорошее знакомство. Лесник принимает к себе на постой одиноких мужчин, но только по строгому отбору и по надёжной рекомендации. Не любит он ни шума, ни пьянок в своём доме. А жена его готовит в печи так, что пальчики оближешь. Вадим Алексеевич уже готов был нестись на всех парах в это райское место, но нужно было договориться с лесником, сославшись на милого его сердцу директора, подготовиться самому и здесь уши надрать заранее всем, кому следует, чтобы трудового энтузиазма хватило как раз до его возвращения. И с Алисой покончить. Он поморщился и принялся за коньяк. Теперь уже всерьёз.

Через неделю всё было готово. Собран рюкзак — не чемодан современный на колёсиках, а именно

рюкзак, чтобы лучше прочувствовать всю глубину перемен в организации отдыха. Вещи там положены самые простые, но практичные и удобные. Не забыт спиннинг и всякие другие принадлежности для этой мужской забавы. Даже сапоги резиновые прихватил, ну, современные, конечно, не те прежние, чёрные и бесформенные. Плащ-накидку сверху приторочил — у приятеля на антресоли обнаружена была эта полезная вещь, тесть его военным был, офицерил в давние времена. Как будто бы всё. Лесник его уже дожидается.

Вадим Алексеевич отпустил машину возле шлагбаума — правила, так правила, они для всех писаны — и дальше двинулся пешком. Идти было недалеко, километра три, не больше. И сразу на него навалилась эта сказочная лесная тишина. Она в лесу совсем особенная. Там птичка пискнет, там кто-то мелкий прошуршит в траве, там ветерок пронесётся в вершинах деревьев. И всё. И никаких тебе звуков технического происхождения, сопровождающих нашу повседневную жизнь. Никакой тебе залихватской музыки, доносящейся из окон и проезжающих машин. Хорошо-то как! Он подтянул лямку рюкзака на плече и весело зашагал вперёд. Давно забытое сказочное ощущение ничем не ограниченной свободы охватило его. К тому же он действительно освободился от Алисы и чувствовал себя при этом великолепно. Она,

конечно, порыдала для порядка, попробовала его разжалобить, но, поняв, что всё это бесполезно, перевела разговор в экономическое русло. Умная девочка, всё-таки, ничего не скажешь. Он не стал скупиться, и Алиса, тяжело вздохнув, отпустила его на вольный выпас, так сказать.

Домик лесника, и, правда, оказался похож на сказочную избушку в лесу. Всё правильно ему Леонид Николаевич рассказал. И ручеёк, и белочки во дворе, и тишина, и птицы — всё на месте. А озером он поинтересуется немного позднее. Пока что надо с хозяевами познакомиться.

Егор Степанович оказался крепким и далеко не старым ещё мужичком с окладистой бородой и пронзительно голубыми, всё видящими глазами. Он был приветлив и тут же призвал свою супругу. Средних лет женщина в простом летнем платье и симпатичном клетчатом переднике, невысокая, в меру полная и вся какая-то удивительно уютная на вид, появилась из глубины дома и сразу же приветливо заулыбалась:

— Проходите, проходите, гость дорогой! Мы ждём вас. Я уж и комнату приготовила, и обед соорудила. Вы там, в городе своём, небось, и забыли о простой деревенской пище.

Вадим Алексеевич вынужден был признать, что да, забыл. Однако сразу вспомнил, когда учуял божественные запахи еды, приготовленной в

настоящей печи. Куда до неё современным микроволновкам и прочим новинкам кухонного оборудования. У него в кухне их целый арсенал — чтобы приходящей женщине удобнее было готовить ему еду, и времени бы уходило меньше. Но здесь... Он быстренько сбросил с плеча рюкзак, помыл руки под стареньким и кое-где побитым рукомойничком во дворе — прелесть какая! — и уселся за стол. Егор Степанович присоединился к нему, и они провели удивительно приятный ленч, поглощая вкуснющие блюда, приготовленные руками Матрёны Евграфовны, и неспешно беседуя. Хозяйка сделала всё, что считала нужным, и тоже присоединилась к ним. Отдых начинался замечательно. Потом Вадим Алексеевич поднялся в выделенную ему комнатку. Она оказалась наверху, под крышей, но была на удивление уютной. Он выложил из рюкзака вещи, переоделся и отправился знакомиться с озером. Гулял долго. Под вечер вернулся удовлетворённый, слегка уставший от прогулки, воды и обилия свежего воздуха, поужинал и завалился спать. Первый день отдыха прошёл «на ура».

Рано утром его разбудили петухи, которые горланили на разные голоса. Их оказалось в хозяйстве всего три, но шум они создавали такой, словно их здесь целый батальон. Мужчина весело рассмеялся и спустился вниз, к деревьям, ручью и

прыгающим вокруг белкам. Приятный отдых покати́л дальше. Три дня пролетели в великолепном ничегонеделании, наслаждении лесом и озером. Он вдоволь наплавался, даже рыбку половил, чем вызвал одобрительную улыбку хозяйки и молчаливый восторг кошки Муськи, которой тоже досталось кое-что от его улова. Успел подружиться с огромным и устрашающим на вид волкодавом Тимофеичем, который оказался удивительным добряком. В общем, Вадим Алексеевич пребывал на вершине блаженства. И вдруг...

Было позднее субботнее утро. Дни недели и числа он ещё помнил. А вот почему они вчера вечером так надрались вдвоём с Егором Степановичем, запомнил напроць. Он, конечно, привёз с собой бутылочку приличного коньяка (и не одну, следует признаться), но и хозяин поставил на стол что-то эдакое, не совсем понятное, но идущее как по маслу. В общем, подниматься к себе наверх ему было потом ох, как нелегко. И проснулся он куда позднее обычного. Хозяин — человек тренированный — уже ушёл по своим лесниковским делам, а сердобольная Матрёна Евграфовна поднесла ему маленькую рюмочку вчерашнего зелья, и жизнь стала налаживаться. Потом он съел несколько вкуснящих блинчиков с малиновым вареньем, выпил чаю и совсем ожил. Он плескался возле кадки с водой во дворе,

наслаждаясь каждой пригоршней прозрачной жидкости, попадавшей в лицо и на голую грудь. От полного удовольствия он даже замурлыкал что-то и вдруг инстинктивно насторожился, прислушиваясь. Что-то было не так. Оглянулся. Так и есть. Возле калитки стоял старенький велосипед, а рядом с ним женщина. Совсем даже не старая и не похожа на местную. Но одета просто. А глаза насмешливые, острые, напоминающие цветом глаза хозяина, с которым они вчера так хорошо резвились, только более колючие.

— О! Фемина! — несколько даже развязно произнёс Вадим Алексеевич. — Откуда вы, прекрасное виденье?

— Оттуда, — она указала большим пальцем куда-то за спину, — и туда.

Указательный палец был направлен прямёхонько на дом, ставший пристанищем для ищущего покоя и пусть временного забвения усталого мужчины. А тут, нате вам, явление. И ничего ты с этим явлением не сделаешь, это сразу видно, потому что ведёт оно себя слишком уж по-хозяйски. Его о таком приятель не предупреждал.

— А вы, надо думать, новый постоялец дяди Егора? — заметила она не слишком приветливо. — Он мне вчера что-то такое говорил. Я поздно приехала, когда вы уже вдоволь откушали

самогоночки пополам с коньяком, судя по бутылкам, и удалились на покой.

Голос был неприветливый, и глаза, оглядывающие его голый торс, всегда вызывавший в женщинах искренний интерес, оставались холодными.

— А вы кто? — не удержался от вопроса мужчина, хотя уже и начинал смутно подозревать самое неприятное.

— Я — племянница вашего хозяина и вчерашнего собутыльника, — заявила она насмешливо. — Агата Витальевна меня зовут. И не открывайте глаза так широко. Моя мать была большой любительницей детективов.

— Вадим Алексеевич, — спохватившись, представился постоялец, при этом вытянулся во весь рост и слегка склонил голову, поклонился, значит.

В ответ необычная женщина сверкнула насмешливыми глазами и присела в самом что ни на есть настоящем реверансе, правда не слишком глубоком. Не принц ведь перед ней из правящего дома Винзоров, право слово. И, вытащив из велосипедного багажника большую сумку, прошествовала мимо него, ошарашенного, в дом, откуда сразу раздался голос Матрёны Евграфовны:

— Ты уже видела нашего постояльца, Агаточка? Надеюсь, не успела надерзить ему?

— Видела, тётушка, — был ответ, — а если и надерзила, так самую малость.

Вадим Алексеевич ухмыльнулся и ушёл в лес прямо так, как был, почти что раздетый. Ему было необходимо час-другой поплавать в прохладной воде озера, чтобы прийти в себя после вчерашнего веселья и сегодняшнего шока. Кажется, прекрасно налаженная жизнь в тишине лесного хозяйства дала трещину.

Однако когда он вернулся во двор, первая, кого он увидел, была, конечно же, она — Агата Витальевна, или Агаточка.

— Вы не пугайтесь, — примирительно произнесла она из-за охапки белья, которое несла развешивать в конце двора, — я завтра вечером уеду, и никто не станет нарушать ваш покой. Но эти два дня вам придётся меня потерпеть. Поскольку изменить себя только потому, что в доме моего дядюшки поселился большой босс, я не в состоянии.

Вадим Алексеевич хмыкнул и гордо прошёл мимо — видали, мол, мы таких храбрых воробушков. Только и коты вокруг не дремлют. Правда, он сам превращаться в кота, охотящегося за малыми пташками, не собирался категорически. Он приехал сюда отдохнуть, и будет успешно это делать и дальше, чёрт побери всё на свете. И никакие

голубые насмешливые глаза ему не помешают. В этом он уверен абсолютно точно.

Дальше день потёк относительно спокойно. А ближе к вечеру, когда солнечные лучи смягчились и приняли другой оттенок, а несговорчивая племянница ушла с корзиной в лес, Матрёна Евграфовна подошла к постояльцу, что-то старательно делающему у дальней калитки, выходящей на выпас.

— Вы не обижайтесь на Агаточку, Вадим Алексеевич, — тихо попросила женщина, — такая уж она есть, и никто её теперь не переделает, видно.

Вадим Алексеевич галантно заверил хозяйку, что у него ничего дурного и в мыслях не было, однако она не обратила на его слова никакого внимания.

— Что-то там такое случилось у неё на личном фронте, — продолжала она тихим голосом, — ещё в молодости, и с тех пор она вот такая колючая. И ни одного мужчину к себе близко не подпускает. Я бы и не знала ничего, да мне подруга её Маша рассказала, она приезжает с ней иногда сюда на денёк-другой.

Матрёна Евграфовна задумалась ненадолго, потом встрепенулась:

— А так в жизни у неё всё хорошо. Работает в институте, не помню, как называется, химии там обучают. Она сама, умница, уж одну диссертацию

— правильно говорю? — он кивнул, — закончила, теперь другую делает, ещё более важную. И ещё работает там на ответственной должности, странным словом «декан» она называется. Студенты её любят, преподаватели уважают. Всё хорошо, только вот в личной жизни ничего у неё не получается. Она как стеной отгородилась, и слышать ничего не желает.

— Это вам всё Маша рассказала, Матрёна Евграфовна? — поинтересовался он.

— А то кто же? — удивилась хозяйка. — Из этой упрямцы слова не вытянешь, если насчёт личных вопросов спрашивать начнёшь. Молчит, как партизан на допросе.

— А так она добрая и отзывчивая, — добавила женщина, немного подумав. — Любому человеку в беде поможет, если это в её силах. Вот недавно...

Но тут на опушке леса показалась сама героиня их беседы с тяжёлой корзиной в руке, и Матрёна Евграфовна устремилась ей навстречу. А Вадим Алексеевич так и не узнал, в чём проявляется доброта этой красивой, но удивительно колючей женщины.

Чуть позже хозяйка сообщила ему, что как стемнеет, они шашлыки затеют. Мясо уж замариновано. Вот Егор Степанович из своего обхода вернётся, и начнут.

— Может, помощь какая нужна? — любезно предложил постоялец.

— Да нет, спасибо, вы отдыхайте. Егор Степанович страсть как любит сам всё это делать, никого не допускает даже рядом постоять. Говорит, шашлык — это вещь тонкая, тут ко всему особый подход нужен.

Вадим Алексеевич отдыхать не стал, а вынул свой суперсовременный мобильный телефон и отдал какие-то распоряжения. Потом позвонил ещё раз. Повозился опять немного у калитки, ведущей на выпас. А затем накинул рубаху в красивую крупную клетку и отправился в сторону шлагбаума. Вернулся он часа через полтора, отягощённый двумя большими пакетами. Егор Степанович уже во всю колдовал с шампурами, и в воздухе разливался божественный аромат жарящегося мяса. На простом деревянном столе под большой раскидистой яблоней красовалась нарезанная зелень и нежно пах свежеиспеченный хлеб. Постоялец пристроил свои пакеты рядом с деревом и пошёл предлагать посильную помощь хозяину — уж носить-то шашлыки ему доверят. Егор Степанович улыбался во весь рот, и они вдвоём понесли источающие жирный сок и сказочный аромат шампура, щедро заполненные кусочками мяса вперемежку с кольцами лука. Вкуснотища была — ни в сказке сказать, ни пером описать.

Вадим Алексеевич извлёк из своих пакетов бутылки.

— Вот это любезным дамам, — провозгласил он, ставя на стол две бутылки испанского красного вина, — а это нам, грешным.

На столе появились две бутылки отличной дорогой водки. Егор Степанович одобрительно ухмыльнулся.

— И прошу уважаемую публику не переживать, — добавил улыбающийся гость, — этим запасы сегодняшнего вечера не исчерпываются. Тем более что количество шампуров с готовым продуктом открывает большие возможности.

Мясо оказалось удивительно вкусным, зелени к нему больше чем достаточно, и бутылки на столе не стояли без дела. Лица у всех сидящих под яблоней порозовели, глаза заблестели. На свежем воздухе, да под такую знатную закуску спиртное веселило, но не сбивало с ног. Дамам испанское вино исключительно понравилось — не зря ведь он водителя десять минут инструктировал, что и где брать, — Матрёна Евграфовна раскраснелась вся и, кажется, даже помолодела. Ещё чуть-чуть, и в пляс пустится женщина. Агата сидела притихшая. Егор Степанович распалил небольшой костерок, когда совсем стемнело, и всё стало очень похоже на далёкие полузабытые вечера молодых лет. Вадима

Алексеевича потянуло на лирику. Он попросил разрешения взять гитару — видел её как-то там, в горнице — и, получив его, устроился в сторонке, под деревом. Покрутив что-то там и побренчав струнами, повёл рукой, и лёгкая мелодия понеслась над лесом. А потом он запел. Голос у него был не слишком сильный, но очень приятный, бархатный, и со слухом всё в порядке.

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым —

зазвучало над притихшей землёй. Песня лилась, слушатели замерли, глядя на него умильными глазами. Только Агата опустила взгляд, и непонятно было, нравится ей его пение или нет. Потом ещё Есенин, и ещё раз. А следом пошло что-то современное, не такое щемяще тоскливое, но вполне лирическое и романтическое. А потом Вадим Алексеевич отложил гитару, встал и ушёл в темноту. Ему нужно было побыть одному. Слишком уж сильно расшевелил он свои глубоко упрятанные чувства, казалось, оставленные там, в давно прошедших молодых годах, и остро, как никогда, ощутит отчаянное желание простого человеческого счастья.

Когда он, проветрившись и успокоившись, вернулся к дому, остатки пиршества были уже убраны, костёр погашен, а хозяева, видно, ушли в дом. Он тихо поднялся в свою комнатку под крышей и улёгся спать. Уснул не сразу. А утром проснулся чуть свет. Сна ни в одном глазу, и очень потянуло на озеро. Искупаться захотелось, поплавать и смыть с себя непонятно откуда нахлынувшее оживление чувств, давно пережитых и забытых, казалось, навсегда.

К озеру шёл не спеша, предвкушая сказочное удовольствие от прохладной чистой воды, омывающей тело и успокаивающей душу. Но покоя не вышло. Уже подходя к воде, скрытой за деревьями, он услышал шум — плещется кто-то. Для рыбы, вроде крупновато. Никак, человек? Осторожно выглянул из-за деревьев и увидел женскую головку над водой — Агата плавала в озере, как большая белая рыбина. Прозрачная вода не скрывала ничего, и он понял, что на ней нет ни ниточки. Агата купалась обнажённой. Он замер. А она, наплававшись вдоволь, вышла на берег. Нежное утреннее солнце озаряло ладную фигурку с тонкой талией и длинными стройными ногами. Упругая девичья грудь и плоский живот. Женщина, не познавшая материнства. Агата отжала волосы и, свободно распустив их, принялась обсыхать под ласково греющими лучами. Блаженно жмурясь, она

поворачивалась к солнышку то одним, то другим боком, и Вадим Алексеевич имел возможность любоваться то упругой грудью, то аккуратной аппетитной попкой. Она крутилась перед ним как заправская модель на подиуме, а он стоял, затаив дыхание, и не в силах был сдвинуться с места. Во рту пересохло, он даже не мог дышать, кажется, так ему хотелось схватить всю эту роскошь, щедро открытую его взгляду, и утащить под дерево, на мягкую траву. И там... Умом он понимал, что это нехорошо, подглядывать за ничего не подозревающей женщиной. Ещё хуже так остро, так отчаянно желать её. Но тело не соглашалось подчиняться голове. Оно просило, нет, оно требовало немедленного и полного удовлетворения.

На его счастье, Агата не стала искушать его слишком долго. Лишь слегка обсохнув, она набросила на голое тело лёгкое платьице, ещё раз растрепала мокрые волосы и направилась к тропинке, ведущей домой. Вадим Алексеевич едва успел спрятаться поглубже в зелень и затаил дыхание. Агата прошла совсем близко, он даже ощутил исходящий от неё запах свежести, но его не заметила. Медленно, какой-то свободной, лёгкой, раскованной походкой она двинулась в сторону дома. А он, раздевшись донага, прыгнул в озеро и долго плавал в прохладной воде, успокаивая неожиданно возникшее желание и снимая

напряжение. Потом погулял по берегу, обернувшись полотенцем, и снова плавал до изнеможения. Мышцы устали, но картина перед глазами не уходила — белое женское тело, щедро открытое его взгляду, в самых разных ракурсах. С этим надо было что-то делать. Так с ума можно сойти. Он вернулся в дом, мечтая, чтобы она исчезла куда-нибудь, ушла, уехала. Смотреть ей в глаза он просто сейчас не смог бы. Судьба оказалась к нему милостива, и Матрёна Евграфовна сообщила, что скоро будет свежее молоко и творог — Агата поехала к живущей километрах в десяти Степаниде Евсеевне, их дальней родственнице, привезёт обязательно. Их-то корова сейчас безмолочная.

Вадим Алексеевич несказанно обрадовался полученной передышке. Наскоро поев, он вызвал машину и, сообщив, что у него возник срочный вопрос в городе, быстренько ретировался. Хотел проболтаться вдали от своего места отдыха до позднего вечера, но не смог. Вернулся часам к пяти. Агата как раз собиралась в обратный путь.

— Что ж вы не сказали, когда собираетесь уезжать, Агата Витальевна, — пожурил он, — я бы машину задержал и подвёз вас до города.

— Я уж как-нибудь сама справлюсь, Вадим Алексеевич, — задиристо ответила она, — до сих

пор без вашей помощи обходилась и дальше прекрасно обойдусь.

— Давайте, хоть сумку вам поднесу до автобуса, — предложил он.

— Спасибо, нет, — голубые глаза стали совсем ледяными, в голосе зазвенел металл.

— Ну, воля ваша, — Вадим Алексеевич был страшно недоволен, но сдаваться не собирался. — Вы хоть телефон свой дайте. Мало ли что может случиться.

— Я свой номер на память не знаю, а телефона со мной нет.

Это была откровенная наглая ложь. Глаза при этом ехидненько так прищурились, а подбородок вздёрнулся вверх — ничего, мол, ты со мной не сделаешь, как ни старайся.

— Ладно, — согласился он, скрепя сердце, — тогда мой возьмите, так, на всякий случай.

Он сунул ей в руку прямоугольник визитной карточки и, круто развернувшись, ушёл в дом — крайне сердитый, всем недовольный мужчина. Агата проводила его взглядом. Из голубых глаз ушёл лёд, осталась только грусть. Мужчина был очень интересный, а главное, способный к романтическим переживаниям — вон, ведь, как Есенина пел. Но она ничего, совсем ничего о нём не знала и очень боялась рисковать. Такого подпусти к себе чуть ближе — и всё, пропала. В его янтарных

глазах читались ум и воля. Такой не выпустит, коли ему в руки попадѣшь.

Агата тепло распрощалась с родственниками и ушла, отклонив заодно и дядюшкино предложение проводить её до трассы. Уж очень беспокойно было у неё на душе. Хотелось побыть одной, подумать и вернуться в привычное состояние. Матрёна Евграфовна покачала головой — вот, ведь, упрямица какая. А мужчина-то видный такой и характером хороший. Не век же, право слово, одной куковать. Правда, неизвестно, что там у него делается на семейном фронте. То, что без жены приехал, ещё ни о чём не говорит. Вон Леонид Николаевич, милый человек, всегда тоже один приезжает, а дома у него наличествует законная супруга и две дочери, это она доподлинно знает. А жаль. Хорошая бы получилась пара из этих двоих. Оба они не остались равнодушны друг к другу. Это она отлично видела своим внимательным женским взглядом. То, что Агата иголки выставляет, так это просто привычка. А он, бедолага, вон как расстроился из-за её капризов. Напрасно, ох, напрасно она так. Но с этой упрямицей ничего не поделаешь. Очень, очень жаль.

Вечер прошёл спокойно. Каждый занимался своим делом. Егор Степанович что-то чинил возле сарая, Тимофеич улегся у его ног и умильно

заглядывал в глаза хозяину. Тот время от времени поднимал на него взгляд и гладил большелобую голову, приводя пса в полный восторг. Хорошая собака для лесника — ох какое важное дело. А другого такого как Тимофеич днём с огнём не сыщешь. Муська, та устроилась на лавке под домом, уютно поджала лапки и подрёмывала, не обращая никакого внимания на снующую туда сюда хозяйку — Матрёна Евграфовна делала необходимые приготовления на завтра, пирог она собралась с утра печь, сердитого мужчину ублажать. А сердитый мужчина слонялся без дела, независимо насвистывая. Но глаза были беспокойные, это хозяйка хорошо видела.

Следующий день, по первому впечатлению, поставил всё на свои места. Постоялец, накормленный с утра вкусным пирогом, снова ходил на озеро, наловил рыбы, угостил Муську, ещё и на ужин людям осталось. С хозяевами был, как и раньше, приветлив, но растревоженное выражение не уходило из его глаз. Он сказал, что в воскресенье вечером уезжает в город насовсем. Предложил в субботу посиделки снова сделать. Запасов хватит, сказал, если что надо, шофёр подвезёт. Надобности в этом не оказалось, всего хватает в доме. Беспокоиться Вадим Алексеевич начал с полдня пятницы. Всё на дорогу поглядывал,

до позднего вечера на дворе ждал. В субботу встал ранёхонько. Но всё напрасно, Агаты не было.

Матрёна Евграфовна сжалилась над ним и обмолвилась мимоходом, что Агата, мол, не приедет в эти выходные. Работы у неё много с диссертацией этой, некогда ей. Субботний вечер прошёл не слишком весело. Никто не пел песен под гитару, не горел костерок. А в воскресенье с утра Вадим Алексеевич сходил на озеро, наплавался в нём напоследок и отбыл домой, не дожидаясь вечера. С хозяевами распрощался тепло. Они от всей души приглашали его приезжать ещё — в любое время, как только пожелает, только позвонит пусть предварительно. Он улыбнулся и ушёл. Супруги понимающе переглянулись и оба вздохнули с сожалением. Надо будет про него у Леонида Николаевича порасспрашивать, подумалось Матрёне Евграфовне. А Егор Степанович лезть в это дело не собирался — не маленькие, сами разберутся.

2

Как бы ни был удивлён давний многоопытный водитель шефа медиа-холдинга Евгений Семёнович ранним вызовом за боссом в этот воскресный день, вида он не подал. Он вообще никогда не возмущался переменами в планах начальства — тот

имел на это полное право, как он считал. Во-первых, такой зарплаты, как у Вадима Алексеевича, ещё поискать надо. Во-вторых, шеф всегда и без разговоров доплачивал за все внеплановые выезды, вечерние и ночные поездки, дальние маршруты и так далее. А Евгения Семёновича дома ничто не удерживало. Лишних денег, как известно, не бывает, а дополнительные доходы он откладывал на осуществление своей давней мечты — ну очень хотелось человеку иметь свою пусть маленькую, но настоящую, дачу за городом. И, в-третьих, наконец, Вадим Алексеевич был просто хорошим человеком, тащившим на своих плечах эту неподъёмную махину, которую называют нынче холдингом. Сам за руль он не сядет никогда, вот и пользуется услугами водителя, с которым давно и в полном объёме были оговорены все правила игры. Евгений Семёнович был в курсе, что в молодые годы его шеф лихо водил мотоцикл, но однажды попал в крупную передрыгу — сам чудом остался жив, а мотоцикл всмятку. Видимо, этих впечатлений оказалось достаточно, чтобы отказаться от дальнейших попыток самому дружить с рулём и дорогой. Многие годы Вадим Алексеевич ездил на общественном транспорте, а когда разбогател, купил машину и нанял водителя. Так они и начали своё сотрудничество. И теперь Евгений Семёнович

был как бы даже и членом семьи в какой-то мере, поскольку помогал приходящей домработнице шефа Марии Прокофьевне делать покупки, отвозить бельё в прачечную и выполнять прочие важные для неё дела. Эта машина была третьей по счёту и очень Евгению Семёновичу нравилась. Ещё бы! Здоровенный внедорожник, от которого испуганно шарахалась всякая мелочь, создавал у водителя приятное ощущение, что именно он как раз и есть хозяин на дороге. Хотя нарушать правила дорожного движения Евгений Семёнович не позволял себе никогда. Он вообще считал себя законопослушным гражданином и где-то даже гордился этим.

— Куда едем, Вадим Алексеевич? — спросил водитель у хмурого и явно всем недовольного шефа. — Дома-то пусто. Мария Прокофьевна только завтра появится, я сам её отвёз к родственникам в село, у них там свадьба какая-то.

— Значит, заедем в супермаркет, Евгений Семёнович.

Покупки шеф всегда делал сам. Водителя на это дело подключал в исключительных случаях, когда сам не мог. Однако вкусы и запросы своего босса шофёр знал очень даже хорошо. Поэтому зарулил в магазин самый-самый. Ждать пришлось не слишком и долго. Появился шеф на удивление с одним-единственным пакетом в руках, и бутылки в

нѣм не звенели. Хотя дома в баре у него, конечно, всегда найдѣтся, чем успокоить растревоженную мужскую душу.

Дальше ехали молча. Возле дома, уже выходя из машины, Вадим Алексеевич велел заехать за ним завтра как обычно, и отрицательно покачал головой, когда водитель хотел помочь ему с рюкзаком и рыболовным снаряжением. Сам взвалил на плечо рюкзак, взял в руки остальное и двинулся к подъезду. И было в походке шефа что-то такое, что заставило водителя посочувствовать ему. Видно, крепко зацепило мужчину что-то неизвестное там, в лесной глуши.

В квартире было пусто и тихо. Впрочем, чему удивляться? Так было уже давно. Посещения Алисы в недавнем прошлом Вадим Алексеевич старался регламентировать, ссылаясь на чрезмерную деловую загрузку. И тишину своей уютной квартиры любил. Но сейчас эта тишина показалась какой-то слишком уж глубокой и даже зловещей, как в склепе. Да что же это такое, на самом-то деле?! Даже в собственном доме ему стало неуютно после всей этой лесной феерии с Агатой. Он включил тихую музыку, сварил себе кофе — в турке, как привык в молодые годы, только кофе теперь покупал дорогой, самый-самый лучший, — уселся в удобное кресло у окна и задумался.

Да, несомненно, что-то странное с ним происходит. И причины он понять не может. Ну, встретил интересную женщину, правда, колючую до невозможности и на других непохожую. Так ведь всего ничего времени провели рядом. Ну, видел её обнажённой. Так и в этом ничего необычного нет. Такое случалось с ним много раз. А Алиса, так та вообще чуть не каждый свой приезд щеголяла перед ним молодым телом, расхаживая в чём мать родила и принимая при этом самые привлекательные, с её точки зрения, позы. Так в чём же дело? Но, вспомнив то раннее утро на озере, когда Агата предстала перед ним во всей своей женской красоте, когда не искусственно, а совершенно натурально продемонстрировала ему своё тело, он вновь ощутил непривычно острое желание. Пожалуй, с ним такого не было с того самого первого раза, когда перед ним, совсем зелёным юнцом, разделась донага легко доступная девушка Юлька, дразня его и наблюдая за реакцией неопытного тела. Он тогда взвился, как ракета, и набросился на неё, как голодный пёс на вкусную мясную косточку. А она смеялась, направляя его, неопытного, в нужное русло и умело разжигала в нём страсть вновь и вновь. Юлька тогда выжала его, как лимон, и он долго приходил в себя. Но урок этот запомнил и впоследствии всегда старался быть хозяином положения и играть в эти игры только по

собственным правилам. Сколько потом было в его жизни женщин, он не мог и сказать точно. Много было, и были разные. Как-то незаметно проскользнула между ними и жена, не оставив особо глубокого следа в его жизни. Женщин он, однако, всегда выбирал сам — память о заполучившей его хищнице Юльке осталась навсегда. И старался быть осторожным, чтобы не вляпаться в ситуацию с ребёнком и не схлопотать что-нибудь неприятное, с чем маются многие мужчины после случайных связей. И вот теперь...

Поёрзав немного в удобном кресле, Вадим Алексеевич понял, что пора идти принимать холодный душ. Вот ведь что сделала с ним вредная Агата! Впору Алису приглашать с её Камасутрой. Но эту мысль он сразу же отбросил — себе дороже выйдет, потом второй раз уже не отделаешься. Подумал и вспомнил о непритязательной милой женщине Александре, которая не раз выручала его, когда его «припекало». Позвонил. Александра откликнулась охотно и сказала, что будет через полчаса. Он приготовил стол из того, что нашлось в холодильнике, поставил бутылку ирландского ликёра для дамы — Александра обожала ликёр, как он помнил, — и хороший коньяк для себя. Много пить не собирался, чтобы силу свою мужскую не сбить, но малость благородного напитка делу не повредит. И принялся ждать.

Александра появилась во время, как и обещала. Она вообще была женщиной точной. Он встретил её приветливо, усадил за стол, угостил, напоил. Сама она себе никаких таких изысков позволить не может, это он знал точно. Поэтому дал женщине отвести душу за столом. А потом попросил раздеться.

— Что с тобой, Вадим? — она смотрела на него с искренним удивлением. — Ты никогда не желал раньше разглядывать моё тело. Да и нет в нём ничего особо привлекательного. Всё, что тебе интересно, в нижнем этаже, и тут уж я постараюсь исполнить свою работу так, как ты любишь. Я помню.

Она действительно помнила всё, что касалось этого очень притягательного для неё мужчины, хотя и была, по сути, «женщиной по вызову» и вынуждена была разделять постель с самыми разными мужчинами, выполняя все их прихоти. Но этот, Вадим, был у неё на особом счету. Он пользовался её услугами уже много лет, хоть и не часто, но всегда был добр и внимателен к ней, чего не скажешь о других. Именно благодаря ему её серая безрадостная жизнь с неинтересной, скучной работой и тяжело больной матерью на руках казалась хоть иногда не такой беспросветной.

— Нет, Александра, сделай, как я хочу, — упрямо повторил он и сам разделся полностью.

Женщина широко открыла удивлённые глаза, увидев красивое, ухоженное и тренированное мужское тело. Раньше Вадим такого не выделявал никогда. Она сглотнула и потянулась к нему.

— Погоди, — попросил он, — покрутись немного передо мной, будь добра.

Александра видела, что он полностью готов к подвигам на постельном фронте, но ему нужно было что-то ещё. Он внимательно рассматривал её, и восторга в его глазах она, к сожалению, не видела. А потом и вовсе начал терять форму. Тогда он зажмурился на какое-то время, а потом быстро увлёк её на ковёр и с небывалой жадностью овладел её телом. Справившись с этим, поднялся и ушёл в ванную. А потом вежливо поблагодарил её и попросил оставить его одного. Вызвал ей такси, дал денег и отправил восвояси.

Всё это было очень странно и для самого Вадима Алексеевича тоже. Напряжение он снял, но непонятная ему самому неудовлетворённость осталась. Обычно после контакта с женщиной он вполне успокаивался дня на три, иногда и больше, если сильно уставал на работе. Но всегда был доволен. И Александра ни разу не подвела его в прошлом, всегда удовлетворяла по полной программе, выполняя все его желания. Что же случилось теперь? Вадим Алексеевич вполне отдавал себе отчёт в том, что смог взять

Александрю только после того, как, зажмурившись, оживил в памяти утро на озере и представил, что утаскивает на мягкую траву податливое тело Агаты. Саму по себе Александрю он не хотел. И как это понимать, скажите на милость? Живи они столетия на четыре раньше, сказал бы, что Агата его заколдовала. Так ведь и случалось с людьми, наверное. Не могли объяснить вот такое, непривычное для себя желание, и виноватой оказывалась женщина. И не одна ведь закончила жизнь гораздо раньше положенного срока и в огне костра. Но теперь-то другие времена. Цивилизация! И надо решать вопросы по-другому. Только вот, как их решать, не мог сказать никто, и сам Вадим Алексеевич не знал этого тоже.

Он долго сидел в своём любимом кресле, слушая тихую оркестровую музыку и размышляя. И принял, наконец, решение, что ему надо выбираться из этого капкана, в который он негаданно угодил. Любым путём выбираться, хоть даже и придётся отгрызть собственную лапу, как делают волки. Только бы уйти живым! Забыть уединённый домик и тихие вечера в лесу, забыть озеро, забыть Агату. Она не желает иметь с ним ничего общего. И не надо. Он будет и дальше преспокойно жить своей жизнью, как делал это много лет до встречи с ней. И не надо ему никакой романтики. Вот придёт зима, и он отправится на какой-нибудь из этих

фешенебельных курортов в Швейцарии, прихватив с собой тщательно выбранную красотку, отвечающую его представлениям о женской красоте. Только не с голубыми глазами, нет, ни в коем случае. Пусть будут карие, как у Алисы, или на худой конец зелёные, но только не голубые, как мартовское небо, иногда темнеющие до глубокой синевы. И будет он в своё удовольствие скользить на лыжах по горным склонам, наслаждаясь своим телом и встречным ветром. А потом кувыркаться в постели с красоткой до полного изнеможения. И снова лыжи, и опять красотка. Вот! И никаких упрямых колючих голубоглазых женщин не будет больше в его жизни. И хорошо! И замечательно!

Так уговаривал он себя до глубокой ночи, не забывая подливать коньяк в милый сердцу пузатый бокал. И почти уговорил. Уснул поздно. Утром встал хмурый, но преисполненный решимости выполнить всё, что надумал, сидя в любимом кресле. Только-только успел сварить себе кофе, как появилась Мария Прокофьевна — видно Евгений Семёнович вызвонил её в деревне и, скорее всего, привёз обратно в город, чтобы шефу жизнь облегчить. Ишь, заботливый какой.

— Что же вы не уведомили меня, что ваши планы изменились, Вадим Алексеевич? — мягко упрекнула она. — Я бы раньше приехала,

вкусенького бы вам наготовила. В то ведь опять, небось, в супермаркет заезжали?

Вадим Алексеевич, улыбаясь, покаялся, что да, заезжал. Она и сама это увидела, заглянув в холодильник. Покачала головой, поцокала языком — ерунда, мол, всё это и чистое баловство. А потом быстро и ловко сварганила вкусный завтрак, который был запит ещё одной чашкой кофе, сваренного в турке. Весь этот мощный арсенал бытовой техники, населявшей его кухню, Вадим Алексеевич предоставил в полное и безраздельное владение Марии Прокофьевны, которая, к слову, управлялась с ним виртуозно. Сам же, если приходилось, пускал в ход только турку и старенькую заслуженную сковородку. На все эти вопли рекламы и всё больше пространства завоёвывающую себе массовую культуру кухонного этикета современного успешного человека он никакого внимания не обращал. Сам ведь медиа-босс, знает, что почём и что зачем. А нормально завтракать его ещё в детстве бабушка приучила. Она врачом была, да не просто так, а педиатром, причём известным и уважаемым. Её наука так с ним и осталась, до седых волос, так сказать. Хотя ни седины, ни лысины Вадим Алексеевич, как ни странно, пока не заработал. Да и седина вряд ли станет бросаться в глаза при его светлых волосах.

Так или иначе, но после завтрака, поданного заботливой Марией Прокофьевной, настроение улучшилось. Вадим Алексеевич побрился, надел чистую сорочку и отправился совершать трудовые подвиги. Машина должна была уже стоять у подъезда. Она и стояла. А как же! Жизнь-то входила в привычную колею.

Хорошо знакомая рабочая обстановка сразу приняла Вадима Алексеевича в свои жёсткие объятия, и все воспоминания этого необычного отдыха и вчерашняя маета ушли в прошлое. Пришлось снова драть уши — трудового энтузиазма хватило не всем. Совершенно неожиданно слишком смело поднял голову один из конкурентов, надо было давить, не теряя ни дня. Справился. Потом случилось ЧП в одном из филиалов. Снова нервотрёпка на весь день. Послал туда второго заместителя, пусть разбирается. Дни полетели один за другим, успевай только страницы ежедневника переворачивать.

Во второй половине среды, как помнится Вадиму Алексеевичу, у него шло рабочее совещание. Крайне бурное совещание, он мылил шею налево и направо — злой был очень почему-то. Почему именно, думать не хотел, даже запрещал себе. Мобильный телефон, естественно, отключил, он не любил, когда звонки прерывали его на самом важном месте. И вдруг в комнату заглянула

Евгения Илларионовна. Это было так непривычно, что она позволила себе прервать совещание, что все сразу затихли. Шеф воззрился на неё совершенно ошарашенным взглядом.

— Вадим Алексеевич, — решительно начала секретарша, — там какая-то женщина вам звонит. Говорит, срочно очень. А у вас мобильный не отвечает. Возьмите трубку городского, пожалуйста.

— Хорошо, я в приемной возьму, — ответил шеф и вышел вслед за женщиной.

Через несколько минут Евгения Илларионовна снова появилась в кабинете, подошла к первому заместителю и тихонько сказала ему, что босс велел закончить совещание без него, он не вернётся уже сегодня.

А босс нёсся в это время в машине к больнице скорой помощи, велев Евгению Семёновичу подрезать всех подряд и плевать на все знаки и указатели. С его огромным танкообразным джипом немудрено было расчистить себе дорогу — машины шарахались от него в разные стороны, и не одно злое слово полетело вслед. Но ему было всё равно. Позвонила Агата и сказала, что случилась беда — Матрёну Евграфовну свалил с ног инсульт, врачи не знают, удастся ли её спасти, потому что нужно какое-то очень дорогое лекарство — она произнесла незнакомое название, — а где его взять, она не знает. Он успокоил её, как мог, и обещал

немедленно приехать. А сам по дороге не выпускал из рук телефон — решал вопросы быстро и решительно, нажав на все известные ему рычаги.

Когда он примчался в больницу, его тут же провели в палату интенсивной терапии, где крутились дежурный врач и две медсестры. В углу, совершенно потерянная, сидела Агата, огромными перепуганными глазами наблюдая всю эту суету. А Матрёна Евграфовна, бледная до синевы, лежала на больничной койке с закрытыми глазами, вся утыканная иглками и запутанная в трубках и проводах. Дежурный врач кинулся ему навстречу.

— Как? — спросил Вадим Алексеевич, тревожно глядя на лежавшую на койке женщину.

— Если в течение часа не дадим нужного препарата, боюсь, будет очень плохо, — честно ответил врач. — Мы с минуты на минуту ожидаем профессора. Его только недавно нашли, он в другой больнице был.

— Лекарство уже едет сюда, — заверил Вадим Алексеевич. — Вот-вот будет.

И только после этого шагнул к Агате, взял её холодную, почти неживую руку и крепко сжал в своей большой тёплой ладони.

— Всё будет хорошо, Агата Витальевна, — сказал уверенно, пытаясь её успокоить.

Такой Агаты он себе и представить не мог — растерянная, перепуганная, она ухватилась за его

руку, как за якорь спасения. Глаза смотрели на него с надеждой. Сердце мужчины дрогнуло. Ему страстно хотелось оправдать её доверие, чтобы она поняла, как он нужен ей.

В этот момент дверь палаты распахнулась, и стремительно вошёл пожилой, очень уверенный мужчина, и сразу же направился к больной. Он вопросительно взглянул на врача, и тот принялся тихо ему что-то объяснять. Профессор нахмурился и потемнел лицом — видно, дела пациентки были совсем плохи. Агата замерла. И снова распахнулась дверь, девушка в белом халате поискала глазами Вадима Алексеевича и показала ему пакет, который держала в руках. Он быстро подошёл к ней, взял пакет и вытащил маленькую, скромную на вид коробочку — неужели в этой малютке может заключаться спасение человеческой жизни?

— Это? — спросил, подойдя к докторам.

Оба обернулись одновременно, и на лицах обоих появилось огромное облегчение.

— Да, — сказал профессор, — давайте скорей.

Он выхватил коробочку из рук Вадима Алексеевича, быстро вытащил из неё крошечную бутылочку, ловко вскрыл её и тут же наклонился над больной, закапывая лекарство ей в нос.

— Кажется, успели, — облегчённо пробормотал он. — Теперь каждый час,

пожалуйста, строго по часам. Этого хватит до завтрашнего дня.

Медсестра усиленно закивала головой и приняла лекарство из рук профессора. Теперь спасение больной перешло в её руки.

— Ещё достать сможете? — обернулся профессор к Вадиму Алексеевичу. — Надо как минимум две упаковки, а лучше три. Тогда будет надёжно.

— Да, — уверенно ответил он. — Сейчас позвоню. Завтра будет.

Доктора устало переглянулись. Волнение отпустило.

— А теперь вам лучше покинуть палату, — мягко добавил дежурный врач. — Медсестра будет при ней неотлучно. А завтра проведаете больную вновь. И лекарство принесёте.

Вадим Алексеевич кивнул головой и повернулся к Агате.

— Пойдёмте, Агата Витальевна, — сказал тихо, — большего мы сейчас сделать не сможем. А вам надо отдохнуть. И расскажете мне, как это случилось.

Он протянул ей руку, и она послушно её приняла, встала и пошла за ним.

Отпускать её одну домой в таком состоянии было, ясное дело, никак нельзя. И потом она, скорее всего, голодная, не до того ей было, чтобы поесть.

Поэтому, выйдя из больничного холла, Вадим Алексеевич повёл Агату к машине, усадил на заднее сидение, устроился рядом и стал тихонько и осторожно выяснять обстановку — женщина-то всё ещё в шоке, давить на неё не годится.

— Вы когда последний раз ели, Агата Витальевна, сказать можете?

Агата растерянно моргнула, подумала немного, но ответила вполне адекватно:

— Не знаю я, Вадим Алексеевич. Мне дядя Егор позвонил в полшестого утра, весь взъерошенный, голос дрожит. Сказал, что Матрёна Евграфовна проснулась рано, встала с постели и тут же упала. И не разговаривает совсем. Только дышит тяжело. Он перепугался до смерти, вызвал скорую. Приехали на удивление быстро, он едва успел шлагбаум отпереть. Врач глянул на неё только и велел самым срочным образом в больницу везти. Сказал, там всё ясно будет. А сейчас видно только, что дело плохо.

Она замолчала на минуту, потом встрепенулась.

— И очень просил дядя Егор, чтобы я в больницу поехала и всё там выяснила. Он сам никак уехать не может, права не имеет, пока ему замена не придёт. А какая замена сейчас? Да и я ведь здесь, в городе. Я бы и сама всё сделала, без всякой просьбы. Она мне дорога так же, как и дядюшка